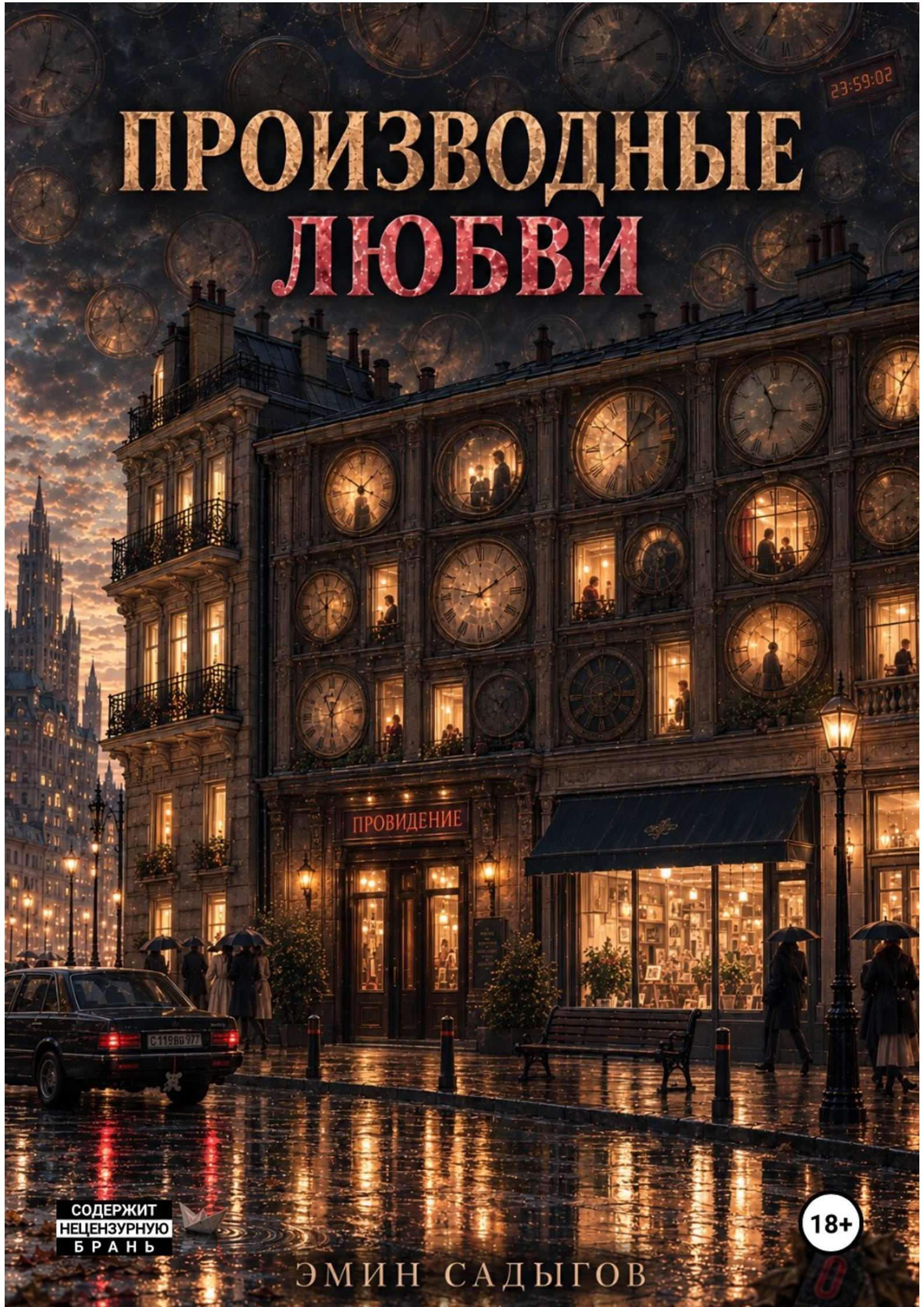

23:59:02

ПРОИЗВОДНЫЕ ЛЮБВИ

ПРОВИДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЭМИН САДЫГОВ

Эмин Садыгов

Производные любви

«Автор»

2026

Садыгов Э.

Производные любви / Э. Садыгов — «Автор», 2026

Это история об Элен. У которой есть всё, что пожелает человек в современном мире: стабильный достаток, любящие родители, верные друзья и люди, которых можно назвать семьёй. Но самое главное для Элен, как и для многих людей, будем честны, настоящая и искренняя любовь. Если не как в сказке, то хотя бы пригодной для жизни. Элен повезло — её жизнь как раз и ведома агапэ. И кого объять ею — тоже. Только вот Синяки никак не заживают. И если на хромоту можно не обращать внимания — само пройдёт — то хриплый кашель и боль в груди из-за сломанных рёбер игнорировать не получается. Всякое бывает, — объясняла она себе. — Ну, не в настроении человек, которого я люблю. Всякое бывает, месяц в психиатрической клинике пойдёт лишь на пользу. Всякое бывает, ведь любовь иногда может и кричать, и приносить боль. Всякое бывает, ведь никто не знает, что происходит после «долго и счастливо». Всякое бывает, ведь таковы производные любви.

© Садыгов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	6
Пролог	7
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Эмин Садыгов

Производные любви

Предупреждение

Все персонажи, события, организации, географические названия и политические реалии в этом произведении вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми (живыми или умершими), государствами, народами и событиями случайны.

Книга предназначена для читателей строго старше 18 лет.

Произведение содержит:

- сцены физического, психологического и сексуального насилия;*
- сцены суицида, суицидальных мыслей и самоповреждения;*
- описания жестокости, боевых действий и их последствий;*
- сцены обращения с оружием и стрельбы;*
- описания психических расстройств, психотических эпизодов, диссоциации, расстройств пищевого поведения и психотерапевтического/психиатрического лечения;*
- обсценную лексику и грубые выражения;*
- провокационные высказывания персонажей, которые являются частью художественного замысла и не отражают личную позицию автора;*
- упоминания наркотических веществ, алкоголя и табачной продукции, которые носят исключительно описательный характер и не являются пропагандой или рекламой их употребления;*
- рассуждения религиозного и философского характера, которые представлены как часть мировоззрения персонажей и не направлены на оскорбление чувств верующих или разжигание религиозной розни;*
- обсуждение сексуальной ориентации, гендерной идентичности и межличностных отношений, которое служит раскрытию психологии героев и социальной проблематики и не является пропагандой, рекламой или навязыванием каких-либо взглядов;*
- описание вымышленного военного конфликта и политических реалий, которые могут содержать отсылки к современной повестке. Автор не даёт оценок реальным политическим событиям и не поддерживает ни одну из сторон;*
- упоминания реальных брендов, торговых марок, персонажей массовой культуры и публичных лиц. Все подобные упоминания носят исключительно художественный характер и не являются рекламой, пропагандой или порочащими сведениями;*
- упоминания исторических лиц, идеологий и политических терминов, которые носят художественный характер и не преследуют цели пропаганды, оправдания или разжигания ненависти.*

Автор не оправдывает насилие, дискриминацию, наркоманию, злоупотребление алкоголем или нарушение прав человека. Все спорные и шокирующие моменты подчинены художественным задачам и анализу природы человеческих отношений.

Персонажи могут допускать стереотипные высказывания, содержащие национальные, этнические и религиозные обобщения; это не отражает позицию автора.

Описания медицины, психологии и юриспруденции упрощены и не претендуют на клиническую, юридическую или академическую точность.

Внимание : если вы или ваши близкие столкнулись с домашним насилием, зависимостями, суицидальными мыслями или кризисными состояниями, обратитесь за помощью по телефонам, указанным в конце книги.

Пролог

— Ты снова не слышишь, что я говорю! — кричала в порыве чувств женщина своему мужу.

— Да твой ор, блять, причина землетрясений на другом конце света! — старался не отвлекаться тот от дороги.

— И это на твоей совести! Почему ты вынуждаешь меня снова рвать глотку просто потому, что не можешь ни услышать, ни сказать то, что нужно?!

— Да что ты хочешь услышать-то, понять не могу?

— Господи, мы дожили до ругани в машине. Как дети малые!

— Так это ты и начала! — обернулся он на неё. — Чем ты не довольна? Буквально вторым предложением я спросил: поедешь ли ты со мной к родителям? Ты согласилась — сейчас, оказывается, ты вдруг стала недовольна. Вспомнила, что я тебя отвлек от чего-то? Что#— терял он самообладание. — Скажи мне?

— Я не хотела к ним ехать...

— Ну а в чём проблема сказать об этом сразу? Мне нужно было пять раз повторить: хочешь ли ты того или нет?

— Да не хотела я тебя обижать! — сорвалась она, наконец. — Не хотела, чтобы ты подумал, будто я капризничаю или... или меня нужно уговаривать на что-то... Особенно когда хочу проводить с тобой время...

— Разве сейчас мы не вместе?

— Мы сейчас едем к людям, с которыми я так и не смогла найти общий язык. Чувствую себя так... Будто это моя вина. Недостаточно хороша для их сыночка, даже когда стала его женой, — расстроено и с обидой сетовала она, признав причину нахлынувших расстройств.

Оба замолчали и развернулись по разные окна.

Девушка почти театрально скрестила руки, а мужчина грузно потёр костяшками пальцев висок.

— Мы же не разучились говорить друг с другом? — обречённо спросила жена чуть шёпотом, глядя на свои руки.

— Конечно, нет, я... Мне важно, что ты говоришь, как говоришь, но меня всегда... не знаю, напрягает, когда ты злишься, а я не понимаю, почему. Не понимаю, что делать и что нужно сказать и как себя вести, чтобы не обидеть тем, что я не вкладываю как претензию или... демонстрацию какой-то там своей роли, — муж выдохнул. — И мне неважно, что о тебе думают родители, но они... всё ещё дорогие люди, а когда ты рядом — намного спокойнее переживать этот момент.

— Можно ничего не говорить. Мне просто нужно было настроиться...

— То есть... Тебе нужно выговориться, а мне побыть мишенью?

— Да.

— ... Ну да, брак мне так и представлялся, — ответил он, обдумав все за и против.

Двое, наконец, улыбнулись, но пока не друг другу.

— Почему ты не говоришь о том, чего не хочешь и копишь в себе недовольство, с которым можно поделиться сразу?

— Мне кажется... что в какой-то момент я тебе надоем, и ты перестанешь вообще предлагать что-либо...

— Это... С чего ты взяла?

Жена только пожала плечами:

— Не знаю, разве это не так?

— Нет, — прищурился он. — Ну, может, в какой-то момент, и правда перестану что-то предлагать, но лишь для того, чтобы придумать что-нибудь другое. То, что понравится не только мне... Я ведь люблю тебя не потому, будто ты чем-то удобна и соглашаешься на любой мой каприз...

Машина остановилась, замыкая за собой пробку, где не видно ни конца, ни края.

— Приехали, блять, — выдохнул муж, немного расслабившись и откинувшись в сиденье.

Он обернулся на свою жену, почувствовав вину за охватившее её сейчас настроение и озадаченность. То ли им, то ли собой, то ли непонятно откуда взявшейся ссорой, словно отбросившей их друг от друга по разные стороны баррикад, когда можно было просто... поговорить.

Может, он и вправду не умеет ни слушать, ни слышать? Или привык, что жена, поставив свою подпись в ЗАГСе, непременно разделит его во всех начинаниях, сказав заветное «Да» и нам, и своему будущему?

Как приданое, как завоёванный трофей, выставленный на полку и ожидающий своей очереди на внимание.

И почему он был так уверен, что это та жизнь, которую она себе представляла?

Разве он не хочет быть для неё опорой и поддержкой, а не тем, кто вызывает крики, непонимание и боль?

Разве они друг против друга, а не возникших противоречий?

Они с женой думали сейчас об одном, но по-разному.

Девушка до сих пор перебегала глазами между окном и руками, не обращая внимания на стеклянный взгляд своего спутника, полного недоумения, который подпёр рукой подбородок.

Неужели она ошиблась, и всё, что свойственно ему, как человеку, — в полной мере проявляется в ситуациях, подобных этой?

У них не стало больше ссор, чем мирных и счастливых дней. Да и вообще, были ли у них в чём-либо откровенные разногласия по какому бы то ни было поводу? И была ли причина для них кроме неспособности и страха перед реакцией партнёра, собственного стыда и страха?

Никто из них не мог вспомнить. Не потому, что достигли идиллии во взаимоотношениях, и не из-за краткосрочной амнезии в стрессовом состоянии, а потому что проявление любви заключается не только в вовремя сказанных словах, но и действиях.

Таково восприятие: скажи сто раз о словах любви — запомнят на миг, прояви любовь действием — и миг пройдёт через всю жизнь.

Что же изменилось в их тандеме? Может, она и в самом деле провоцирует его на эмоции, в желание подпитывать чувство значимости, когда твой человек обращает на тебя внимание?

Только другими способами — разрушительными не в моменте, а в перспективе.

Но разве любой конфликт, приведший к ним исключительно из-за недопонимания, не должен решаться так же полюбовно: мирно, с заботой и уважением друг к другу?

Да, мода на осознанное мышление размывает границы желаемого даже внутри себя.

Особенно внутри себя.

Потому что, со временем, у человека размывается понимание: где он сам, а где социальные установки общества, которое только недавно додумалось до того, что хорошо бы научиться уживаться не только в этом мире, но и с самим собой.

Действительно, что же ей мешало сказать, если не сразу, но после схлынувшей пелены эмоции, уступив место рассудительности, что она хочет побыть с ним, но не в компании его родителей?

Момент упущения?

Но разве откровение, требующее выхода, имеет срок давности?

Пожалуй, да. Но лучше сказать о чём-то слишком поздно, чем никогда. Лучше сказать что-то не то, чем ничего. Лучше наработывать своевременность там, где тебя будут ждать всегда, а не когда тебя не ждут даже вовремя.

Какие бы ни были обстоятельства — не они определяются актом честности перед собой, лишь выбор, подвластный переходу от эфемерного к вечному, от отрицания до принятия, от мира — к себе и от себя к миру в равнозначной позиции. Не обретя целостности в способности взглянуть страхам в глаза, мы становимся слепы перед дорогой, проводимой жизнью.

Так если не ради другого, то для себя — позволить допустить несвоевременность, чем определить себя тишине.

Но ей не стыдно за роль жены, которую выбрала из любви, а не статуса, желающей счастья и заботе друг о друге. Даже в моментах, когда нужно переступить через себя и гордость.

Любовь — не гордость, а признание себе.

Она просто не хотела потеряться в этом водовороте, в который сама вошла и продолжает плыть.

Её иногда одолевали сомнения — осталась ли она тем же человеком, которого он полюбил и предложил построить общее будущее. Общий путь и историю.

Она защищается, потому что ей начало казаться, будто станет придатком и тенью в своей роли.

Хоть он и никогда не давал повода даже задуматься об этом.

Тогда, что же это?

И он отнекивается, будто не понимает, что с ней или... в самом деле не понимает?

Когда они свернули не туда и начали ругаться? И почему она сама так себя ведёт?

Если она додумается всегда прикрываться завладевшими её в моменте гормонами, то и у него не будет причин относиться к ней не как к партнёру, а человеку, не несущему за себя ответственность. Где вместо понимания и сочувствия — снисхождение, как к прокажённой, которая сама не понимает, что с ней.

Непонимание — острый оправдания.

Кто хочет быть понятым — говорит. А тот, кто хочет понять — слушает.

Всё просто.

В какой же момент возникло чувство, что всё это — словно душит её изнутри?

Они ведь не против друг друга, а за.

Во всём.

Простое решение: говорить друг с другом. Честно и искренне, а не намёками или как придётся. Либо, в конце концов, оправдания пронзят души обоих непониманием.

В данном случае — у них всё будет хорошо и, в итоге, они выберут друг друга не из-за причин «несмотря ни на что», а из любви, что учит лучше слышать, и не бояться говорить с тем, с кем разделяешь жизнь.

И когда муж решил взять свою жену за руку и улыбнуться уже ей, а не окну, — она ответила ему тем же.

Какое-то время из соседней машины за ними бесстрастно внешне, но с завистью и обидой внутри, наблюдал человек, потому что глазам нужно было на что-то смотреть.

И как нельзя кстати, внимание ухватилось именно за нашу парочку.

Свидетелю не нужно было слышать ничего из того, что происходило во время ссоры, с наглухо закрытыми окнами.

Достаточно было наблюдать до тех пор, пока молодожёны снова не объявили о классическом манифесте именем Её: с улыбкой и связкой рук.

Впервые за несколько месяцев и на лице Элен образовалось слабое, но удовлетворённое выражение лица, ведь для неё, происходящее в соседней машине, от первых криков до благородной тишины — было актом искреннего проявления любви.

И она была рада соприкоснуться с этим явлением, хотя бы в роли наблюдателя.

А любовь, знаете ли, может заявить о себе и на повышенных тонах.

Элен

Да... Лучше так громко любить, чем тихо возненавидеть.

Не знаю, нужно ли мне было о чём-то думать или к чему-то прийти, или просто... смотреть на что-нибудь, наслаждаясь случайным моментом простого человеческого.

— Хочешь, заедем куда-нибудь? — послышался голос слева.

Отвечать мне не хотелось. Да и быть здесь — тоже.

Ехать вместе и снова проживать одно и то же.

Из раза в раз.

Каждый раз.

И каждый раз я зарекаюсь не связываться с ним, каким бы то ни было образом.

Но вот я снова сижу в его машине. Даже не сопротивлялась, ничего во мне не возвало к здравому смыслу, чтобы я больше не поддавалась ни его словам и обещаниям, ни своим слабостям, когда он исчезает и снова появляется в моей жизни.

Ненавижу. И любовь к нему у меня такая же — проклятая и неблагодарная.

Лучше сконцентрироваться на музыке — не самой плохой, но единственном доступном проблеске света в пределах металлического гроба на колёсах. А играло: «*Heart of glass*» — «*Blondie*».

Господи...

Ну какова вероятность, что именно эта мелодия должна была прозвучать настолько уместно в контексте и моменте, что ничем, кроме издевательства свыше, это и не назовёшь.

— Ты хоть не молчи, подай признаки жизни.

Я вздохнула и потянулась на месте:

— Я не хочу тебя ни видеть, ни говорить, ни слышать. Достаточно живо?

— Я просто подвожу тебя до дома, Элен, — спокойно ответил он.

— С этой задачей справился бы и таксист, и папа, да кто угодно, у кого есть машина.

Тебе-то что?

— Я переживаю за тебя... и мы не чужие люди друг другу.

— Я твоего мнения не разделяю.

— И всё-таки, ты здесь, а не у кого-то в такси.

Я посмотрела на него с таким отвращением, насколько могла себе позволить:

— И ты думаешь, будто это что-то значит? Я заплачу тебе за поездку, для спокойной жизни и совести, когда никакая мелочь больше не свяжет меня с тобой.

— Господи... — Лаврентий или как он всю жизнь называл себя, Лавен, шумно выдохнул и закрыл глаза.

Конечно, при мне ему важно показаться умнее и мудрее, чем все окружающие его смертные.

Именно что показаться, но не быть.

— Тебе лучше? — снова пристал он с вопросами. — Решили твои...?

— Проблемы? — договорила я за него, приподняв брови.

— Ну я не знаю, что с тобой конкретно произошло...

— Произошёл ты, — как бы мне хотелось намотать его пустоголовую бошку на каждое колесо проезжающего мимо грузовика. — Будь добр, отъебись — окажешь услугу и себе, и мне.

— Не передёргивай, Элен... Снова я где-то остался виноват, — его снисходительная улыбка почти вывела меня из себя, если бы не прошедшее лечение, где научили преодолевать даже самые критические для нервной системы ситуации, сохраняя эмоциональное равновесие.

Итак: вдох — и ме-е-едленный выдох.

Вдох — выдох.

Вдох...

— Меня туда увезли после того, как ты довёл меня до такого состояния, сука! — не сдержалась и начала колотить его, не глядя куда. — Конечно, ты не можешь быть ни в чём виноватым!

Я почувствовала, как несколько человек из автомобильного потока обернулись на резкие движения в нашем салоне, но мне было всё равно.

Самодовольная тварь держалась за живот, сморщившись от боли.

Моя рука до сих пор крепка и уверена в своих движениях.

Но в следующий момент, когда прошёл аффект, меня снова окатила волна сожаления и сочувствия к человеку, которого я только что ударила.

Нужно держать себя в руках. Этому меня и учили — контролю над собой и чувствами.

Иначе в выигрыше останется только он. Используя мои слабости против меня самой.

— Я не виноват, что ты не умеешь себя контролировать и общаться по-человечески, — он приоткрыл окно и закурил. — У тебя вечно проблемы из-за всех, но только не из-за себя. Ноешь и жалуешься: «Ой, меня никто не понимает, вы не знаете, что я чувствую, бу-ху», — так приложи усилия, чтобы научиться разговаривать и сделать что-нибудь со своей жизнью, если ты ей недовольна... Проблемы у неё. Девочку обидели и спустили с небес на Землю, где оказалось, что мир не крутится вокруг неё. Вот это трагедия! Как жить-то?..

— Останови машину.

— Мы в пробке, можешь выйти в любой момент.

Я молча дёрнула за ручку, которая не поддавалась моим движениям.

— Серьёзно? И куда ты пойдёшь посреди трассы?

— Напрошусь к кому-нибудь и в качестве благодарности отсосу. Что угодно, лишь бы не видеть и не слышать твою надменную и во всём верную рожу.

— Ребёнок, — с отвращением развернулся он ко мне и начал тыкать пальцем в плечо. — Ты — маленькая, капризная девочка, которая придумывает себе проблемы на ровном месте. Но Бог с ним, может, тебе так жить интереснее, но ты ещё и других людей втягиваешь в свои подростковые драмы, где виноваты все, но только не ты. Ещё и до психушки себя довела, ебанутая, чтобы сейчас тратить время, подбирать тебя, как собаку, побитую посреди дороги, терпеть твои сцены, везти домой и слушать, что всё это моя вина, — теперь он уже был похож на себя: и лицом, и голосом, и действиями.

Несколько секунд он всё ещё тарасился, пока не толкнул так, что я ударилась и плечом, и головой о стойку кузова.

Почти забыла эти ощущения, и думала, что больше не позволю такого обращения и отношения к себе...

Насилие — универсальный язык для всего. Это ещё ничего. Всего лишь толчок и небольшие ушибы, которые рассосутся за несколько дней.

А раньше я думала, что грубость — одно из проявлений любви человека, сидящего за рулём.

Я не обращала на это внимание, пока сама любила.

Я с этим мирилась, потому что все люди разные, как и их отношения с жизнью.

Я принимала Лавена со всем, что было, пока не потеряла себя.

— И не смей меня больше трогать, силой думала потягаться? В следующий раз — выбью зубы в качестве профилактики и воспитательного эффекта, — потянулся он к подлокотнику,

отчего я отпрянула в сторону, в ожидании новых ударов. Но он достал пачку салфеток и кинул мне их под ноги. — Вытрись, я обещал твоим родителям, что довезу в целости и сохранности. Сука неблагодарная... Ещё и шлюха, готовая напроситься в первую попавшуюся машину и отсосать всем желающим.

Утирая слёзы, но держась непоколебимостью в лице от нарастающей боли в местах, прошедших под удары, я не переставала думать о том, что всё происходящее — исключительно его прихоть.

И моя глупость.

Никто не просил его появляться с благими намерениями, что никогда не были ему свойственны, если за ними нет выгоды.

Оставшуюся дорогу до дома я снова смотрела в окно и думала о том, что он прав.

Я во всём проблема.

Глава 2

ГОД СПУСТЯ

— А у нас в гостях была Атанасия Димитриевна, дорогие слушатели. Тась, лично от себя — спасибо за разговор и за то, что обратила внимание тысячи слушателей на другую часть жизни... и смерти, наверное, тоже.

— Спасибо и тебе, Адам, и спасибо всем нашим друзьям, что присоединились в этот прекрасный осенний вечер... Утро или день, в зависимости, когда нас послушают.

— Мы с тобой не прощаемся, ведь наш цикл с итогами года — только начинается!

— Буду рада и почти за честь разделить их в этих стенах и в такой приятной компании. И, несмотря на сегодняшнюю тему, которую ты охарактеризовал «за упокой», в кавычках, мы всегда про и за жизнь, в любых её проявлениях, с чем бы ни пришлось столкнуться человеку на своём пути.

— Золотые слова и нужное напоминание каждому, да и всем без исключения. Высечь бы их на камне, чтобы всегда были перед глазами... Эх, что ж, на этом...

Значит, мне не показалось, будто услышала звонок в дверь.

Сюрпризом для меня он не был. Просто потерялась в реальности.

От этих тупых подкастов голова совсем перестаёт соображать.

Тут же благополучно забыв, о чём шла речь и в этом эпизоде.

— Привет, пап, — встретила я горячо своего гостя.

— И она снова улыбается! — его объятия всё такие же крепкие, но нежные, как в детстве. Как и всегда. Поэтому и «вернуться в детство» для меня совсем не метафора. Достаточно было лишь прикосновения. — Гостинцы. Тебе.

— Кто-то ещё говорит «гостинцы»?

— Я. Вопросы?

— Никаких. Дедуля, который постарел только там, где выгодно.

— Я не забываю кряхтеть при любых движениях, считается?

— В зависимости от того, как, — развернула я пакет, пока мы шли на кухню. — Детство прошло, когда родители вместо шоколадок и чипсов приносят вино с... шоколадками и чипсами, — и я снова улыбнулась.

Целый второй раз за день!

Какое же я ничтожество.

— Для меня — ты всегда будешь ребёнком. И это не плохо... И оливки с сыром, попрошу заметить!

Ну хоть на лице не отразилось моё мерцание вечного недовольства. И то хорошо.

— Знаешь мои слабости, пап.

— Но не все твои секреты, — подыгрывал он, откупорив бутылку.

— И слава, блять, Богу. Тебе с этим и мамы хватает, — мы оба рассмеялись.

Не помню, когда мне не нужно было делать это через силу.

Пока мы накрывали стол, он молча поглядывал на меня, как и всегда думая, что делает это незаметно.

Переживает.

Я всегда могла это почувствовать.

Или увидеть, если рассмотрю что-то дальше своего носа.

— Как вы об этом узнали? — спросила я после первого бокала.

— Эли позвонили его родители и она мне рассказала, когда вернулся домой... Не хотел тебя беспокоить, особенно с такими новостями, но...

— Нет-нет, — взяла я его за руку. — Лучше услышать это от вас, чем от бездушного голоса в телефоне.

Молчим. Он знает, какие слова нужно подобрать для утешения, но сейчас — лучше не говорить ничего.

Я же разговаривала слезами, проталкиваемыми вином и виной.

Не всё выплакала со вчерашнего дня.

Да и позавчерашнего.

— Поганный год, пап, — с ним я могла побыть собой. — Просто, что ни день, как один ужас сменяется другим.

— Я знаю, — он снова меня обнял. Стало легче, когда я почувствовала себя в руках родного человека. — Не представляю, что у тебя на душе, но... Я здесь и мама рядом. Хоть она и не говорит об этом, но переживает и о тебе, и обо всём, с чем мы к ней приходим сегодня, завтра и всегда.

— А... Тучку?..

— Забрали, не беспокойся.

— Да уже поздно... переживать о чём-то, Юль.

Он выдохнул, стараясь не издать лишнего звука. И за это — ему тоже спасибо.

Он крепко держал меня за руку, и я смогла душой прочувствовать его слова и...

Поддержку.

— Мы так и не поговорили, а я... просто не знала, что сказать, понимаешь?

— Да.

— Даже не знаю, чем я или... «Охотник» могли помочь.

— Думаю, детка, надо было просто быть рядом, — я знала, что это правда, но услышать живую подтверждение своим мыслям, особенно от отца, было как ножом по сердцу. — А там — было бы виднее... Я так и не спросил, почему вы все перестали общаться?

— У меня нет ответа, пап, просто... так получилось.

— Да, такое бывает.

— Чувствую... что я тоже виновата.

— И это нормально, даже когда это не так.

— Это так. Я ему сказала... чтобы он не лез в мою жизнь и... Мы ведь друзья. Почему это не так, когда мы нужны были больше всего?

— Потому что сейчас это ничего не изменит, детка.

Папа подошёл к рассуждению с лучшим, но и с самым болезненным подходом, как и во многих таких случаях, которые я разделяла с ним.

Думаю, и я в какой-то степени переняла от него это качество — смотреть туда, куда страшнее и больнее всего.

— Как с этим жить?

— Как с потерей, память о которой мы пронесём с собой. Как с частью жизни и болью, которая нас проглотит и выплюнет безжизненными остатками. С виной, разъедающей душу, как... моль шубу; с горем, которое ничем не заглушить, но потём...

— Станет легче?

— Нет. Сделает нас сильнее, научит жить дальше, — Юлиан мог бы стать блестящим психологом, которого ненавидел каждый обратившийся к нему за помощью, но после, прислушавшись, благодарил до конца жизни. Не сомневаюсь. — Горе нас ломает, но... на месте разлома — обязательно появится что-то другое. Для себя. А ты... просто привыкаешь и живёшь с тем, что есть, и... идёшь дальше. Те, кого мы потеряли — навсегда останутся с тобой, потому что без них — ты бы не стала самой собой.

— Не представляю, каково родителям, Бусинке... Даже Софи и её этому «барану». Но... он, — ухмыльнулась я с грустью, стоило в памяти всплыть одному из редких прозвищ. — «Гог

Ван», ведь так и не оправился, понимаешь? Мы могли быть рядом, но не были, — я повторяю то, что не могу принять как своё упущение.

— Думай о живых, Элен. Об Охотнике, который потерял друга, не имеющего отношения к его... профессии. О себе, как о человеке, собирающем себя заново. А когда туман рассеется

— будет видна и дорога.

— А если не рассеется?

— Значит, ты труп. И тебя уже ничего не будет беспокоить.

— Охотник... Боюсь представить его реакцию, когда и до него дойдут новости...

Стены впитали в себя наш разговор и слова медленно расползались эхом по всей квартире.

— Борись, детка. Оно нужно живым.

Я горько ухмыльнулась:

— Почему ты не какой-нибудь доктор наук по психологии или философии?

— Терпения не хватит растягивать очевидную мысль на несколько месяцев, чтобы поиметь больше денег с людей, которые сами себя боятся, не говоря уже о том, с чем приходят.

И снова с меня слетела улыбка, как подтверждение его словам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.